ГРАММАТИКА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Выписка из "Кондрашов Н. А. Славянские языки. М. 1984, глава Болгарский язык стр. 221-225"

§ 174. Болгары пользуются кириллицей, восходящей к русской гражданской азбуке. От русского алфавита болгарский отличается отсутствием букв *ы* и *э.* Кроме того, буква *щ* передает сочетание двух согласных *шт: щраф* («штраф»), а буква ъ обозначает особый гласный звук. В феврале 1945 г. в Болгарии была проведена реформа графики и орфографии, состоявшая в исключении букв ѣ и ѫ, отмене написания букв ъ и ь в конце слова и увеличении числа фонетических написаний. Вместо ѣ было установлено написание букв *е* и *я* в соответствии с произношением, вместо ѫ стали писать ъ*: мляко, млечен, ръка.* Буква *ь* как знак мягкости употребляется перед гласным *о*, если перед ним произносится мягкий согласный: *Цо'ньо.*

§ 175. В литературном языке представлены шесть гласных: *и, е, ъ, а, у, о.* Гласный ъ произносится примерно как русские *а, о* во втором предударном слоге *(воробей, сапоги): ъгъл* («угол»), *къща* («дом»), *пълня* («наполнять»). В литературном языке находим многочисленные случаи чередования в одной морфеме гласных *е* и *'а.* Под ударением перед твердым слогом (с гласными *а, о, у, ъ)* произносится *'а*, в безударном положении, а также под ударением перед следующим мягким слогом (с гласными *е, и, 'а, 'у)* произносится *е: бряг — брегове, мляко — млечен, сянка* («тень») — *сенки, бял — бели* и т. п. Это чередование связано с изменением староболгарского ѣ в различных фонетических условиях.

§ 176. Все согласные, кроме полумягких *ж, ш, дж, ч,* в болгарском языке могут быть твердыми и мягкими. Однако в отличие от русского языка в болгарском согласные не смягчаются перед гласными переднего ряда *е* и *и,* они утратили также мягкость в конце слова и перед согласными: *ден, пет, сол, кон* (ср. рус. *день, пять, соль, конь), про'сба, борба', писмо'* (ср. рус. *просьба, борьба, письмо).* Вследствие этого мягкие согласные в болгарском языке могут находиться только перед гласными заднего ряда: *бряг, мля'ко, гюм* («бидон»), *гьон* («подошва»). Конечные звонкие согласные переходят в глухие; произношение звонких и глухих согласных перед согласными отражает процесс их регрессивной ассимиляции: все звонкие согласные перед глухими становятся глухими, а все глухие перед звонкими — звонкими. Однако на письме эти изменения, как и в русском языке, не отражаются. В болгарском языке имеются многочисленные сочетания *р* и *л* с гласным ъ. Этот гласный в одном и том же корне может находиться то перед плавным, то позади него в зависимости от фонетических условий. Если за указанным сочетанием следует один согласный, то ъ находится перед плавным; если далее следует два согласных, то ъ следует за плавным: *дърво* («дерево»), но *дръвник* («дровяной [221] сарай», «чурбан»), *сърбин* («серб»), но *сръбки'ня* («сербка»). В односложных словах обычно представлены сочетания *ръ, лъ: плъх* («крыса»), *кръв,* но *вълк, сърп* и др.

Ударение в болгарском языке экспираторное; ударенный слог отличается от неударенного, как и в русском языке, силой выдоха. Ударение разномастное, вследствие чего усвоение его представляет значительные трудности.

Необходимо запоминать место ударения не только в основной форме, но и в членной форме, во множественном числе, в различных производных словах, например: *глас* — членная форма *гласъ'т* — мн. ч. *гласове'* — *гласе'ж* («звучание»), *гласу'ване* — («голосование»). В некоторых случаях различия в месте ударения служат средством смысловой и грамматической дифференциации: *ро'ден* («родной») — *роде'н* («рожденный»), *въ'лна* («шерсть»)—*вълна'* («волна»), *че'та* («отряд») — *чета'* («читаю»), *и'ма* («имеет») — *има'* («имел»).

§ 177. Грамматический строй болгарского (и близкого к нему македонского) языка характеризуется аналитическим типом именного и местоименного склонения, т. е. падежные отношения выражаются в нем не посредством окончаний, а с помощью порядка слов и предлогов. Важную роль в грамматическом строе играет предлог *на,* служащий для выражения косвенного и приименного дополнений, например: *кой ще донесе' хляб на то'я чове'к?* («кто принесет хлеб этому человеку?»); *е'то кни'гите на брат ми*

(«вот книги моего брата»). Порядок слов служит средством разграничения подлежащего от прямого дополнения, причем подлежащее обычно стоит перед сказуемым, а прямое дополнение — после сказуемого: *Ра'дка ча'каше сестра' си* («Радка ждала свою сестру»). Подлежащее стоит в основной форме (именительный падеж) или употребляется в членной форме, прямое дополнение стоит в винительном падеже без предлога. Различные обстоятельственные значения выражаются посредством сочетания предлогов с неизменяемой формой имени: *в то'я град преми'на на'шето дети'нство* («в этом городе прошло наше детство»); *напи'сах това' письмо' с мо'лив* («я написал это письмо карандашом») и т. п.

В болгарском языке представлено три грамматических рода: мужской, женский и средний; род имен существительных в большинстве случаев совпадает с родом соответствующих русских существительных. Представлено также единственное и множественное число. Имена существительные, как было указано, не изменяются по падежам. Только некоторые личные имена и прозвища мужского рода имеют в винительном падеже форму на *-а*, *-я: Иван — Ивана, Пенно — Пе'нча, Пе'тко — сре'щнах Пе'тка* («я встретил Петко»). Употребляется также звательная форма на *-е, -о, -ю* для мужского и на *-о, -е* для женского рода: *бра'те, бъ'лгарино! друга'рю/ друга'рко! ма'йчице!* [222]

Большая часть имен существительных мужского рода оканчивается в единственном числе на твердый согласный: *град, брат, о'гън, кон, зет.* Находим также имена на *-й, -и, -а, -о: край, Гео'рги, Нико'ла, баща', съдия', дя'до, Ма'рко.*

Большое разнообразие окончаний представлено во множественном числе. Многосложные существительные обычно оканчиваются на *-и: учи'тел — учи'тели, прозо'рец* («окно») — *прозо'рци, бъ'лгарин — бъ'лгари.* Задненёбные согласные *к, г, х* перед *и* изменяются в *ц, з, с: войни'к* («солдат») — *войни'ци, вълк — въ'лци, бе'лег* («признак») — *бе'лези, сирома'х* («бедняк») — *сирома'си.* Односложные существительные обычно оканчиваются на *-ове, -еве: бряг — брегове', син — синове', вол — волове', влак* («поезд») — *вла'кове, бой — бо'еве.* При количественных числительных имена существительные мужского рода на согласный и на *-й* образуют форму множественного определенного числа с помощью окончаний *-а, -я: учени'к* — множественное число *учени'ци,* но *че'тире учени'ка, самоле'т — самоле'ти,* но *пет самоле'та.*

Имена существительные женского рода в единственном числе оканчиваются на *-а, -я* и на согласный: *жена', земя', ра'дост.* Окончанием множественного числа является *-и: жени', земи', ра'дости.* Имена существительные среднего рода в единственном числе оканчиваются на *-о, -е: село', е'зеро, ку'че* («собака»), *море'.* Имена на *-о* во множественном числе имеют окончание *-а: се'ло — села'.* У имен на *-е* во множественном числе часто употребляется окончание *-ета: теле' — теле'та, моми'че* («девочка») — *моми'чета.* Ряд имен во множественном числе имеет два окончания: *-а (-я)* и *-ета: море' — моря'* и *море'та, поле' — поля'* и *поле'та.* Остатками двойственного числа являются формы: *колене'* (от *коля'но), крие'* (от *крило'), рамене'* (от *ра'мо), очи'* (от *око'), уши'* (от *ухо'), ръце'* (от *ръка').*

§ 178. Характерной особенностью болгарского языка является употребление особых членных форм существительных, прилагательных, местоимений и числительных. Эти членные формы употребляются примерно в том же значении, что и формы артикля в западноевропейских языках, но в отличие от них болгарский член является постпозитивным, т. е. ставится после определяемого слова и пишется с ним слитно. Членные формы изменяются по родам и числам. В мужском роде единственного числа имеются полные и краткие членные формы. Членные формы *-ът, -ят* называются полными: *мо'ливът, прозо'рецът, чове'кът, ко'нят, учи'телят.* Они употребляются в тех случаях, когда имя существительное выступает в функции подлежащего или является именной частью составного сказуемого. Членные формы на *-а, -я* называются краткими: *мо'лива, прозо'реца, чове'ка, ко'ня, учи'теля.* Они употребляются для выражения всех других синтаксических функций существительного. Во множественном числе употребляется форма *-те: мо'ливите, прозо'рците* и т. п. Суще- [223] ствительные женского рода в единственном числе имеют членную форму *-та,* а во множественном числе *-те: м'аса* («стол») — *ма'сата — ма'сите; кра'ва* («корова») — *кра'вата — кра'вите.* Существительные среднего рода в единственном числе имеют членную форму *-то,* а во

множественном числе *-та: поле' (поле'та) — пеле'тата.* Собственные имена и прозвища, названия месяцев, праздников, болезней не имеют членных форм. По происхождению членные формы являются указательным местоимением.

§ 179. Прилагательные в единственном числе изменяются по родам: *голя'м* («большой»), *голя'ма, голя'мо.* Во множественном числе прилагательные по родам не изменяются и имеют окончание *-и: голе'ми.* Членные формы следующие: *голе'мият, голе'мия* (муж. р.), *голя'мата* (жен. р.), *голя'мото* (ср. р.), *голе'мите* (мн. ч.). Сравнительная степень образуется с помощью приставки *по-: по'-голя'м,* превосходная степень — с помощью приставки *най-: на'й-голя'м.* Эти приставки образуют степени сравнения не только от качественных прилагательных и наречий, но и от некоторых существительных и даже глаголов: *по'-юна'к, по'оби'чам* («более любить», «предпочитать»).

§ 180. Некоторые местоимения (в частности, личные), в отличие от существительных и прилагательных, имеют три падежные формы: именительную, дательную и винительную. Именительный падеж служит для выражения подлежащего, винительный падеж — прямого дополнения, дательный падеж — косвенного и прииименного дополнений; например: именительный падеж *аз, ти. той, тя, то,* дательный падеж полные формы *мене, тебе, нему, неи, нему,* краткие формы *ми, ти, му, и`, му,* винительный падеж полные формы *мене, тебе, него, нея, него,* краткие формы *ме, те, го, я, го.* Характерной особенностью болгарского синтаксиса является употребление полной формы местоимений вместе с краткой: *не'го го куршу'м не ло'ви* («его пуля не берет»); *на ме'не ни'що не ми да'доха* («мне ничего не дали»). Притяжательные местоимения употребляются при логическом ударении. Обычно в их роли выступают краткие формы дательного падежа личных и возвратных местоимений: *ми, ти, му, и`, ни, ви, им, си,* например: *това' е дома'шното ми упражне'ние* («это мое домашнее упражнение»).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение

Единственное число

И	*аз*	*ти*	
Д.	*мене, ми*	*тебе, ти*	*себе, си*
В.	*мене, ми*	*тебе, те*	*себе, се*

[224]

Множественное число

И.	*ние*	*вие*
Д.	*нам, ни*	*вам, ви,*
В.	*нас, ни*	*вас, ви*

Местоимение 3-го лица ОН

Единственное число

Падеж	Муж р	Ср. р.	Жен р
И.	*той*	*то*	*тя*
Д.	*нему, му*	*нему, му*	*ней, и*
В.	*него, го*	*него, ео*	*нея, я*

Множественное число

И.	*те*
Д.	*тям, им*
В.	*тях, ги*

§ 181. Болгарский глагол характеризуется развитой системой времен. Он имеет формы настоящего времени, а также несколько простых и сложных форм прошедшего и будущего времени В отличие от других славянских языков, в болгарском нет неопределенного наклонения. Поэтому основной формой глагола считается форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, вместо инфинитива употребляется сочетание формы настоящего времени глагола с союзом *да: и'скам да ра'ботя* («хочу работать»). Это сочетание изменяется по числам и лицам: *и'скаш да ра'ботиш, и'скаме да ра'ботим* и т. д.

Глагол имеет три спряжения. Первое спряжение характеризуется тематическим гласным *-е-: чете'ш, тъче'ш;* второе спряжение — гласным *-и-: ра;ботиш, държи'ш;* наиболее продуктивным является третье спряжение — с гласным *-а-: оби'чаш, пъту'ваш,* которое имеет в 1-м лице единственного числа окончание *-м* (первое и второе спряжения имеют *-а, -я: пи'ша, ра'ботя).* Будущее время образуется от глаголов обоих видов с помощью безударной частицы *ще* (3-е лицо ед. ч. глагола *ща* — «хотеть»): *ще пи'ша, напи'ша, пи'шеш, напи'шеш* и т. д. Простыми формами прошедшего времени являются аорист и имперфект, например: аорист от *плета'* («плести») — *пле'тох, пле'те, пле'те, пле'тохме, плетохте, плетоха,* имперфект от *чета* («читать») — *четях*, *чете'ше, чете'ше, четя'хме, четя'хте, четя'ха.* Сложные прошедшие времена образуются сочетанием форм вспомогательного глагола [225] *съм* и причастий на *-л.* Наиболее часто встречается перфект: *купи'л съм, купи'л си* и т. д., а также давнопрошедшее или прошедшее предварительное время: *бях купи'л, бе'ше (бе) купи'л* и т. п. Наряду с этим имеется еще ряд форм, выражающих законченность и незаконченность действия в прошедшем и будущем, определенность и неопределенность, прямое и непрямое высказывание.

ОБРАЗЦЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

Настоящее время

Единственное число

1-е лицо	*чет- а'*	*ра'бот-я*	*пъту'в-ам*
2-е лицо	*чет-е'ш*	*ра'бот-иш*	*пъту'в-аш*
3-е лицо	*чет- е'*	*ра'бот- и*	*пъту'в-а*

Множественное число

1-е лицо	*чет- е'м*	*ра'бот- им*	*пъту'в-аме*
2-е лицо	*чет-е'те*	*ра'бот-ите*	*пъту'в-ате*
3-е лицо	*чет-а'т*	*ра'бот-ят*	*пъту'в-ат*

Будущее время

Единственное число

1-е лицо	*ще пи'ша*	*ще държа'*
2-е лицо	*ще пи'шеш*	*ще държи'ш*
3-е лицо	*ще пи'ше*	*ще държи'*

Множественное число

1-е лицо	*ще пи'шем*	*ще държи'м*
2-е лицо	*ще пи'шете*	*ще държи'те*
3-е лицо	*ще пй'шат*	*ще държа'т*

Имперфект

Единственное число

1-е лицо	*четя'-х*	*стре'ля-х*	*бях*
2-е лицо	*чете'-ше*	*стре'ля-ше*	*бе'ше (бе)*
3-е лицо	*чете'-ше*	*стре'ля-ше*	*бе'ше (бе)*

[226]

Множественное число

1-е лицо	*четя'-хме*	*стре'ля-хме*	*бя'хме*
2-е лицо	*четя'-хте*	*стре'ля-хте*	*бя'хте*
3-е лицо	*четя'-ха*	*стре'ля-ха*	*бя'ха*

Аорист

Единственное число

1-е лицо	*пле'то-х*	*напра'ви-х*
2-е лицо	*п ле'те*	*напра'ви*
3-е лицо	*пле'те*	*напра'ви*

Множественное число

1-е лицо	*пле'то-хме*	*напра'ви-хме*
2-е лицо	*пле'то-хте*	*напра'ви-хте*
3-е лицо	*пле'то-ха*	*напра'ви-ха*

Перфект

Единственное число

1-е лицо	*купи'л съм*
2-е лицо	*купи'л си*
3-е лицо	*купи'л (е)*

Множественное число

1-е лицо	*купи'ли сме*
2-е лицо	*купи'ли сте*
3-е лицо	*купи'ли (са)*

Плюсквамперфект

Единственное число

1-е лицо	*бях купи'л*
2-е лицо	*бе'ше (бе) купи'л*
3-е лицо	*бе'ше (бе) купи'л*

Множественное-число

1-е лицо	*бя'хме купи'ли*
2-е лицо	*бя'хте купи'ли*
3-е лицо	*бя'ха купи'ли*

[227]

Действительное причастие настоящего времени образуется с помощью суффиксов *-ящ, -ещ, -щ: четящ, живе'ещ, стре'лящ,* и изменяется по родам и числам. От основы аориста образуется страдательное причастие прошедшего времени: *позна'т, доне'сен, организи'ран.* Деепричастия образуются посредством суффикса *(-е)йки: чете'йки, хо'дейки, гле'дайки.*

§ 182. В X—XIV вв. литературным языком в Болгарии являлся старославянский язык. Он был языком славянского богослужения. Поэтому все дошедшие до нас памятники старославянской письменности— евангелия, псалтыри, требники и т. п. — церковнослужебного или литургического содержания. Уже в XI—XII вв. живая болгарская речь содержала некоторые отличия от норм старославянского языка. Однако литературный язык был архаичным и почти не отражал черты народной речи.

Наиболее важными памятниками XII в. являются Добромирово евангелие и Болонская псалтырь. На протяжении XII—XV вв. (так называемый «среднеболгарский период») болгарский язык претерпел глубокие изменения в фонетической структуре и грамматическом строе. Многие особенности новоболгарской морфологии находят отражение в Троянской притче, памятнике XIV в. Наши сведения о болгарском языке XV—XVI вв. опираются на грамоты, писанные в Молдавии и Валахии. После захвата турками в 1393 г. болгарской столицы Тырново Болгария на многие века прекращает свое самостоятельное существование. Богатая болгарская культура разрушается чужеземными захватчиками, письменность запрещена. Однако, несмотря на турецкое иго, грамматический строй болгарского языка и его основной словарный фонд сохранились.

Новый подъем славянской письменности в Болгарии начинается со второй половины XVI в. Теперь уже пишут на «препростейшем языке некнижном». Эта новоболгарская письменность (дамаскины — по имени греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита) получила широкое распространение в XVII—XVIII вв. на всей болгарской территории. Дамаскины не отражают единой языковой нормы и поэтому дают богатый материал для исторической диалектологии.

Борьба за единый литературный язык началась с середины XIX в. и была связана с формированием болгарской нации. Литературный язык сформировался на основе северо-восточных болгарских говоров, бывших родными для виднейших деятелей болгарского национально-освободительного движения и литературной борьбы — Люб. Каравелова, Хр. Ботева, Ив. Вазова, Петко Славейкова и других. Во второй половине XIX в. болгарский литературный язык испытал глубокое влияние русского языка. Это отразилось прежде всего в области научной, технической, военной терминологии и в языке публицистики. В XX в. на литературный язык все большее влияние ока- [228] зывают западные говоры, на территории которых находится столица страны София. Многие элементы этих говоров уже вошли в литературный язык.

§ 183. Глубокие изменения в общественной, экономической и культурной жизни Болгарии вызвали перестройку языковедческой работы и нацелили ученых на решение первоочередных вопросов, связанных с нормализацией литературного языка и повышением языковой культуры. При Болгарской Академии наук создается Институт болгарского языка, органом которого становится журнал «Болгарский язык» (с 1951 г.). Вплоть до последнего времени журнал редактировал профессор Л. Андрейчин (1910—1975).

Наибольшее значение для решения проблем культуры болгарского языка имеет лексикографическая работа. Современная жизнь с быстрым развитием научных отраслей и общественными преобразованиями обусловила потребность в нормативном и более или менее полном словаре болгарского языка. Имевшиеся словари лишь в слабой степени могли удовлетворить эти нужды.

Знаменитый «Словарь болгарского языка» Найдена Герова («Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски», т. I—V. Пловдив, 1895—1904; т. VI, вышедший в 1908 г., содержит дополнения) был ориентирован на народный язык и не имел нормативных задач. «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» (Москва, 1885—1889) А. Л. Дювернуа, напротив, опирался на книжный язык и не мог удовлетворить практические потребности. «Болгарский толковый словарь» под редакцией Ст. Младенова и А. Теодорова-Балана (1859—1959), выходивший в 1927—1951 гг., был доведен только до конца буквы *К*.

В связи с этим коллектив известных языковедов (Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стоиков, Цв. Теодоров) создал в 1955 г. «Болгарский толковый словарь», содержавший около 45 тысяч слов и отразивший современную литературную лексику. В 1963 г. вышло второе издание словаря. Одновременно под руководством Ст. Романского (1882— 1959) велось издание академического «Словаря современного болгарского литературного языка» в трех томах. Он содержит около 70 тысяч слов и опубликован в 1955—1959 гг. Этот словарь стабилизировал литературную норму болгарской лексики, охватывая материал с середины XIX в. до нашего времени. Его нормативный характер проявляется, во-первых, в отборе слов и значений в основном из живых и актуальных слоев словарного запаса, в особенности из современных областей деятельности (толкование каждого слова и иллюстрация его употребления самыми типическими значениями служат той же цели), во-вторых, в словаре проведен опыт стилистической регламен- [229] тации слов и значений в соответствии с современным употреблением, причем по мере возможности поддерживаются живые моменты в лексике с одновременным указанием на устарелость, диалектную принадлежность или заимствованный характер слова.

Большое внимание уделяется изданию орфографических словарей и словарей иностранных слов. Среди первых следует отметить: «Орфографический словарь болгарского литературного языка» Ст. Романского (1952) и «Орфографический словарь болгарского литературного языка» Л. Андрейчина, Вл. Георгиева, Ив. Лекова и Ст. Стойкова, вышедший седьмым изданием в 1971 г. Наиболее популярен «Словарь иностранных слов болгарского языка» А. Милева, Й. Браткова и Б. Николова, вышедший третьим изданием в 1970 г. С 1962 г. коллектив авторов (Вл. Георгиев, Ив. Гылыбов, И. Займов, Ст. Илчев) издает «Этимологический словарь болгарского языка» (появилось 8 выпусков до конца буквы *З).* Из других словарных изданий важны: «Болгарский синонимический словарь» Л. Нанова (5-е изд., 1968), «Словарь болгарских личных имен и фамилий» Ст. Илчева (1964), «Ударение в болгарском литературном языке» Хр. Кодова (1966).

Естественно, что болгарские лингвисты уделяют много внимания исследованиям звуковой и грамматической сторон родного языка. Фонетике и литературному произношению посвящены книги Ст. Стойкова «Введение в фонетику болгарского языка» (3-е изд., 1966) и «Болгарское литературное произношение» (1955). Сведения по фонетике содержатся и в лучших грамматических пособиях. Важную роль сыграла «Основная болгарская грамматика» Л. Андрейчина (1944), переведенная на русский язык под названием «Грамматика болгарского языка» (1949). Научное описание грамматического строя болгарского языка содержат следующие работы: «Современный болгарский язык» Л. Андрейчина, К. Попова, М. Иванова (т. I., 1954, т. II, 1957), «Болгарский язык» Л. Андрейчина, Н. Костова, К. Мирчева, Е. Николова, Ст. Стойкова (1955), «Грамматика болгарского литературного языка. Фонетика и морфология» Ст. Стоянова (1964); «Современный болгарский язык. Синтаксис» К. Попова (2-е изд., 1963). Для широких читательских кругов предназначена работа А. Теодорова-Балана с характерным названием «Новая болгарская грамматика для каждого» (т. I, 1959, т. II, 1955, т. III, 1958, т. IV, 1961). Этому труду вредит лишь особая грамматическая терминология автора. Научно-популярный характер носят также работы, посвященные частным вопросам, например: «Синтаксическое согласование в болгарском языке» К. Костова (1964), «Употребление именного члена в болгарском языке» Ст. Стоянова (1965), «Болгарские глагольные времена» В. Станкова (1969), «Болгарский язык через века» К. Мирчева (1964), «Болгарские народные говоры» Ст. Стойкова (1964) и др. [230]

§ 184. В последние десятилетия болгарская общественность с большим вниманием относится к стремлению поднять культуру болгарского литературного языка. Забота о культуре письменного и

устного слова является прежде всего следствием многогранной и повседневной работы болгарских языковедов. Они регулярно помещают статьи и заметки по вопросам языковой практики как в специальных журналах, так и в изданиях общекультурного и политического характера. Все чаще появляются популярные пособия по стилистике болгарского языка, научно-популярное изложение отдельных проблем болгарской грамматики, словари и справочники нормативной направленности. Уже сделаны попытки теоретического обобщения сущности языковых норм. За всем этим стоит серьезная и планомерная работа болгарских языковедов по глубокому изучению лексического состава болгарского языка, его грамматического строя, истории формирования литературного языка, фонетике и диалектологии.

Характерной особенностью, отличающей западные и восточные болгарские говоры, является произношение замен старого ѣ. На западе вместо него всегда произносится *е (брег, брегове),* на востоке — то *'а,* то *е* в зависимости от ударения и качества последующих согласных *(бряг, брегове, мляко, млечен* и др.).

Длительное время болгарские лингвисты и общественные деятели уделяли большое внимание спорам по вопросам правописания, которые неизбежно связывались с взаимоотношением восточноболгарских и западноболгарских элементов в составе литературного языка, а также пуристической борьбе с заимствованными лексическими единицами — греческими, турецкими, отчасти русскими и западноевропейскими. Преимущественно этим проблемам, а также разбору языка отдельных писателей был посвящен журнал «Родная речь» (1927—1943), выходивший под редакцией известного языковеда Ст. Младенова (1880—1963) и историка литературы Ст. П. Василева.

§ 185. Теоретические исследования, в которых детально анализируется структура языка и раскрываются тенденции языкового развития,— необходимая база решения проблем языковой культуры. Поэтому книга Л. Андрейчина «На языковом посту» (1961) — важное и показательное явление в развитии болгарского языкознания. В ней собраны статьи, содержащие как теоретические высказывания по культуре речи, так и замечания о языковой практике. В них освещаются спорные вопросы фонетики и литературного произношения, морфологии и синтаксиса, лексики, стилистики и правописания. Дается критический анализ актуальных проблем, в частности осуждаются языковые штампы в публицистической речи. В статье «Язык, языкознание, языковая культура» автор характеризует задачи борьбы за усовершенствова- [231] ние языка и определяет культуру речи как «языковую подготовку к умению правильно и целенаправленно использовать богатые выразительные средства языка». В статье «Литературный язык, языковые нормы и правильность речи» Л. Андрейчин говорит о сущности языковых норм в области произношения, отбора слов и форм и построения предложений. Автор различает языковые правила и языковые нормы. Если первые отражают закономерности языковой системы, то вторые касаются тех случаев, когда в литературном языке под влиянием диалектов или разговорной речи интеллигенции существуют различия и варианты. Общественный характер и природа языка ведут к нормализации литературного языка. Поэтому нормы литературного языка — это естественное и закономерное явление.

При выявлении нормы следует сообразовываться с тенденциями языкового развития, сохранением чистоты языка, учетом существующей практики и устоявшегося употребления, возможностями усвоения норм широкими слоями пишущих и говорящих. При колебаниях нормы критерием может стать преобладающее употребление, поддержанное и обоснованное в литературном языке научным анализом, который поможет вскрыть достоинства или недостатки каждого варианта и указать нормы употребления, не дожидаясь результатов стихийного языкового развития.

Л. Андрейчин настойчиво подчеркивает, что нормативность литературного языка не означает прекращения языковых изменений. Нормы сами являются продуктом исторического развития, поэтому наличие языковых дублетов и колебаний нормы — обычное свойство литературного языка. Последние не могут быть устранены в результате постороннего вмешательства, однако это не значит, что следует прекратить все попытки их регулирования.

В статье «Стиль и языковое мастерство. Стилистика» автор обращается к проблемам стиля. Отражение действительности, по его мнению, в процессе общения может быть более конкретным, более отвлеченным или насыщенным чувством, адресованным определенному кругу людей. Поэтому в процессе высказывания происходит сложный отбор наиболее подходящих средств выражения, в соответствии с целевой установкой и конкретной ситуацией общения. В речи общественных групп или отдельных лиц появляются типичные особенности. Так возникают более или менее отличающиеся индивидуализированные формы речи, которые именуются стилями. Стилем, следовательно, называется «характерный способ использования выразительных средств в речи, который зависит от различных факторов (объект и цель сообщения, индивидуальное своеобразие автора, традиция и т. п.)». В соответствии с двумя основными способами отражения действительности Л. Андрейчин различает два стиля речи: логический (интеллектуальный) и образно-эмоциональный. Первый (стиль научной и научно-популярной литературы, официаль- [232] ные выступления) воздействует преимущественно на сознание. Второй (стиль художественной литературы и отчасти публицистика) воздействует также и на чувства. Кроме этого, автор различает также коллективные стили общенародного языка: разговорный, административный (официальный), научный, художественный, публицистический. Эти коллективные стили формируются на одном и том же материале, но для каждого из них характерны определенные словоупотребление и фразеология, известные синтаксические обороты.

Изложенная выше здоровая и разумная позиция болгарского лингвиста разбивает укоренившееся в Болгарии мнение, что деятельность в области языковой культуры ограничивается борьбой с употреблением заимствованных слов (языковой пуризм) и спорами по вопросам орфографии и пунктуации. Л. Андрейчин преодолевает этот узкий подход к проблемам культуры речи (а за ним стоит деятельность виднейших болгарских языковедов недавнего прошлого, академиков Ст. Младенова и А. Теодорова-Балана) и обращает внимание не только на лексические и орфографические вопросы, но и на проблемы морфологии и синтаксиса, стилистики и орфоэпии.

Большой интерес представляет книга М. Москова «Борьба с иностранными словами в болгарском литературном языке» (1958), содержащая историю болгарского пуризма в хронологических рамках 1878—1944 гг. Автор полагает, что языковой пуризм, стремление к очистке языка от чуждых слов появляется лишь с возникновением современных наций в буржуазном обществе. Побудительными причинами пуризма являются: 1) стремление к созданию национального литературного языка и сохранению его самобытности и своеобразия; 2) борьба с ассимиляцией; 3) стремление устранить или ослабить влияние более развитого языка; 4) националистические и шовинистические тенденции. При оценке заимствованных слов автор полагается на «филологическую культуру» и «здоровое языковое чувство». Поэтому применительно к социалистическому обществу автору приходится отождествлять пуризм с культурой речи.

§ 186. Характерной особенностью, позволяющей сгруппировать болгарские говоры, является произношение замен старого ѣ. Все болгарские говоры в связи с этим делятся на западные и восточные. Граница, отделяющая эти два наречия, идет от устья р. Вит через Плевен, Татар-Пасарджик, Мелник к Солуни (Фессалоники). К западу от этой линии ѣ произносят как *е,* на восток — ѣ произносится то как *'а,* то как *е* в зависимости от различных фонетических условий. Восточное наречие характеризуется также редукцией неударенных *е, а, о* в *и, ъ, у,* значительным смягчением согласных перед *е, и* и другими особенностями. Выделяют также северо-восточные говоры. [233]

Тексты

И. Вазов

РУСИЯ

Русия! Колко ни плени
Туй име свято, родно, мило!
То в мрака бива нам светило,
Надежда — в нашите злини!
То спомня ни, че ний кога сме

Забравени от целий свят,
Любов, що никога не гасне,
За нази бди с най-сладък свят!
Русия! Таз земя велика
По шир, по брой, по сила!
Тя С небето има си прилика
И само с руската душа!
Там, там молбите ни се чуват
И в днешния печален час,
Сърца се братски се вълнуват
Осемдесет милъони с нас!

Георги Караславов

Сипваше зора, когато се прибраха в селото. Минаха през градини, през сокаци, провираха се през телени огради, но стъппиха у дома си, без да ги забележи някой.

— Е, свърши ли?— посрещна ги изплашена Юрталанката.

— Слава богу!— отпусна се Юрталана.— Всичко досега беше благополучно, па да видим занапред...— И като пое дълбоко дима на токущо запалената цигара, въздъхна:— Врекох на света Богородица един овен...

— И хубаво си направил!— похвали го тя.— То, аслъ' само ние нищо не сме давали... по-какви сиромаси хора харизват и овни, и юнчета...

— Ето де, сега и ние ще дадем!—натърти Юрталана.— Ха сложи малко хляб и напълни бъкела, че трябва да ходим за фий...

— Ами няма ли да си починете?

— Няма!— сопна се Юрталена и подкани с ръка:—Хайде! Хайде! [234]